

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ КАНЦЛЕРА ГЕРМАНИИ БИСМАРКА

© 2008 г. В. Г. Баев¹

Охарактеризовать общее содержание правовых взглядов Отто фон Бисмарка – задача непростая, поскольку он не был правовым мыслителем. Бисмарк – государственный деятель и политик и, его деятельность была направлена на формирование политической реальности. Мысли и замечания Бисмарка носили политический характер, так как служили подготовке политических решений, напрямую не затрагивая сферу права. Однако государственный деятель вынужден в своей политической деятельности руководствоваться правовыми идеями как вопросами положительно-го права.

В работах написанных Бисмарком, приходится искать то, что мы называем “правовым воззрением”, причем содержание его правосознания выражается не всегда четко и ясно, да и то при определенных обстоятельствах (например, в конституционном конфликте в Пруссии). Если в политическом мышлении государственной персоны присутствуют определенные элементы правосознания, то они, разумеется, не привязаны к системному взгляду на право.

Тогда откуда мы можем знать о наличии в сознании Бисмарка правовых ценностей? Можно ли считать, что в конституционном конфликте или в “Культуркампе” у Бисмарка проявлялось сформированное правосознание? Или его политическая деятельность демонстрировала полное отрицание права? Известный либеральный историк Э. Эйк в годы Второй мировой войны написал трехтомное исследование о Бисмарке. Квинтэссенция труда: редко, когда в одной персоне объединялось такое богатство натуры, как в Бисмарке, но природа отказала ему в понимании права и справедливости². Однако бесспорно и другое: политика Бисмарка не могла не сталкиваться с правом в одном пространстве. Создание Бисмарком имперской конституции по существу сделало его “учителем государственного права”. Отсюда проистекает интерес к пониманию правовых представлений человека, чье государственное миро-

воззрение в основе своей наполнено напряженными противоречиями.

Среди многих из указанных противоречий основное – между постоянно звучащей религиозно-христианской тональностью и всепронизывающей абсолютизацией государственных целей. Свидетельством влияния христианских идей на государственно-правовые взгляды Бисмарка стали его выступления в Соединенном ландтаге. С его точки зрения, любое государство, заинтересованное в длительном существовании, должно покоиться на религиозной основе: “Если вообще признавать религиозную основу государства, то эта основа у нас должна быть христианской... Я думаю, что только то государство могу назвать христианским, которое ставит перед собой задачу реализовать христианское учение”³. Бисмарк убежден, что если убрать религиозную основу государства, то оно может рассматриваться не более как случайный агрегат прав, разновидность преграды войне всех против всех. И даже если в конкретных условиях прусского государства не удастся достичь целей в полной мере, все равно задача государства остается прежней. “Нельзя отнимать у народа веру в то, что законодательство черпается из христианского источника и что государство преследует цель реализовать христианское начало”⁴. И далее: “Если бы я не был христианином, я бы не служил королю ни одного часа... Отнимите у меня веру – и вы отнимете у меня Отечество... Без веры я бы не стал канцлером, каким вы меня знаете”⁵.

Этим, как представляется, можно объяснить данную Бисмарком христианскую мотивировку социального законодательства. Во время обсуждения в рейхстаге в 1881 г. закона о страховании от несчастных случаев Бисмарк обосновал необходимость принятия закона христианским характером государства, которое в большинстве своем состоит из христиан, всегда готовых помочь ближнему. Лидер прогрессистской партии в рейхстаге Евгений

¹ Заведующий кафедрой конституционного права Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, профессор.

² См.: *Eyck E. Bismarck. Leben und Werk. Bd. III. Tübingen, 1944. S. 638.*

³ Цит. по: *Kober H. Studien zur Rechtsanschauung Bismarcks. Tübingen, 1961. S. 6.*

⁴ Цит. по: *Schweitzer C. Bismarcks Stellung zum christlichen Staat // Schriftenreihe der preußischen Jahrbücher. 1923. № 7. S. 44; Marcks E. Bismarck. Eine Biographie 1815–1851. Hannover, 1951. S. 567.*

⁵ *Schweitzer C. Op. cit. S. 8.*

Рихтер назвал намерение государства составить треть страхового сбора за счет бюджета коммунизмом. Бисмарк же представил это законодательным подтверждением практического христианства: “Называйте это социалистическим законодательством, я предпочитаю называть его христианским”.

В дальнейшем в роли руководящего политика, Бисмарку пришлось разрешать противоречие между христианским мировоззрением и потребностями государства. Победил при этом государственный эгоизм, который стал основой последовательной политики государственного национального интереса. Бисмарк был готов убрать любое стоявшее у него на пути препятствие, чтобы достичь цели во имя блага и интересов своего Отечества. Так, проводившаяся в 70-е годы XIX в. “борьба за культуру” оставалась для Бисмарка не чем иным, как защитой устоев государства. Он подчинял свои личные взгляды государственным интересам, в том числе идее “целостности государственной жизни”.

Для понимания того, как сочетается желание Бисмарка подчинить все ценности закону государственного самосохранения с укорененными в христианской вере правовыми воззрениями, следует помнить, что он превратился в верующего христианина к началу своего сорокалетия (к 1855 г.). Вся его дальнейшая жизнь протекала в тесном соприкосновении с “христианско-германским обществом” померанских пиетистов⁶. Человеческие отношения с членами этого круга, жизненный и божественный идеал которых привлекал Бисмарка, сильно воздействовали на формирование его сознания⁷. Именно тут он нашел и спутницу жизни – Иоганну фон Путткамер.

Работы философов древности и произведения Гегеля стали для него той основой, опираясь на которую он искал успокоения по поводу того, что недоступно человеческому сознанию. Однако попавшая ему в руки публикация одного молодого гегельянца загнала его в тупик сомнений и привела к мысли, что существование его и других людей бесцельно. Все это заставляло искать доверия господу Бога в тех случаях, когда надо было добиться ясности в сложных вопросах. Бисмарку удалось преодолеть различие служебной и личной морали, закрепленное разными законами. Продолжая жить верой, он служил стране и Богу путем формирования жесткой реальной политики.

Выступая после своей отставки перед объединением немецких студентов, Бисмарк заявил: всю свою жизнь он подчинил цели национального объединения Германии путем, какой был ему

продиктован рождением и воспитанием при непременном сохранении института монархии. Эта речь точно отразила глубину консервативно-монархической традиции, перешедшей к Бисмарку от предков, неразрывность его верноподданнической связи с немецким господствующим домом, незыблемость убеждения в том, что созданная им немецкая империя может существовать только на монархическом основании.

Победа Пруссии над Австрией в 1866 г. сформировала основу для создания Северогерманского союза княжеских правительств ряда германских государств, подписавших Союзный договор⁸. Предусмотренное в нем согласование союзной Конституции специально созданными парламентами с самого начала придало новому государственно-монархическому образованию конституционную основу. А в союзной Конституции, которая в своих существенных чертах была бисмарковским интеллектуальным творением⁹ и которая после 1870 г., со вступлением в союз южнонемецких государств превратилась в Конституцию Германской империи, монархический принцип был закреплен в фундаменте общенемецкого государственного здания.

В преамбуле говорилось, что вечный союз создан суверенами немецких государств. Организационные статьи еще более подчеркивали монархическую структуру, закрепляли способ формирования и деятельности Союзного совета (ст. 6–10), президиум которого (ст. 11–19) был связан в Конституции с титулом “германский кайзер”. Полномочия верховного главнокомандующего армии и флота в мирное и военное время конституция Северогерманского союза передавала прусскому королю. “Союзные правительства”, в совокупности являлись носителями общегосударственного суверенитета, имели в Союзном совете свою конституционную долю участия в имперском законодательстве, которое осуществлялось Союзным советом совместно с рейхстагом (ст. 5). Фактическим главой исполнительной власти являлся прусский король как самый могущественный в союзе (империи), хотя строго формально власть предоставлялась не ему, а “союзным правительствам”, среди которых он был первым среди равных. Безусловный приоритет прусского короля Конституция подтвердила тем, что вручила ему полномочия президиума союза (как германскому кайзеру), а также право и обязанность следить за исполнением союзных (имперских) законов, уполномочила представлять на международной

⁶ См.: *Meinecke Fr.* Preußen und Deutschland im 19 und 20 Jahrhundert. Berlin, 1918. S. 296.

⁷ См.: *ibid.* S. 336.

⁸ Для монархического характера Союза было несущественно, что к 22 государствам-подписантам присоединились три свободных ганзейских города, имевших республиканские конституции (см.: *Schmitt C.* Verfassungslehre. Berlin, 1983. S. 56).

⁹ См.: *Hartung F.* Deutsche Verfassungsgeschichte vom 15. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1950. S. 276.

арене объединенное германское государство, объявлять войну и заключать мир.

Кроме этого, прусский король располагал в Союзном совете 17 представителями (из 58 членов) исполнительной власти Пруссии; через них он получал особые полномочия в законодательной сфере, как, например, право “вето” на любую попытку изменения Конституции¹⁰. А ст. 19 наделяла кайзера как верховного главнокомандующего полномочиями по решению Союзного совета осуществлять военную “экзекуцию” в отношении проштрафившихся членов Союза. Если же принять во внимание действительное влияние Пруссии на мелкие государства, то она реально играла в Союзном совете доминирующую роль¹¹.

Упомянутые полномочия кайзера в соединении с правами верховного командующего объединенными вооруженными силами, созданными на основе всеобщей воинской повинности, с абсолютным правом заблокировать любое негативное законодательное изменение вооруженных сил (ст. 5) ставили прусского короля (а впоследствии императора) на вершину власти в Северогерманском союзе (в империи) и санкционировали в точном соответствии с Конституцией гегемонию Пруссии в объединенной Германии. Таким образом, благодаря данной конструкции, которая обеспечивала формальное коллегиально-монархическое руководство при решающей роли прусского монарха, Конституция Северогерманского союза (империи) приобрела своеобразный, но однозначно монархический характер.

Между тем, конституционный конфликт в Пруссии (1862–1864 гг.) вынудил Бисмарка считаться с усилением в парламенте либеральных сил. С началом работы Северогерманского рейхстага, а затем имперского парламента возростала роль демократического элемента. Особенно это стало заметно с появлением там партии свободомыслящих и социал-демократов. Не только от них, но и со стороны умеренных либералов исходили намерения ввести в Конституцию положение об ответственном правительстве. Бисмарк решительно отклонил их. Укрепляя статус собственной администрации, ввел в текст конституции институт контрасигнации, который возлагал ответственность за издание указов и распоряжений президиума (кайзера) на рейхсканцлера. Его собственное творение, Конституция, обеспечивало Бисмарку ключевое положение в системе исполнительной власти Союзного совета (империи), делало его “руководящим министром”, ответ-

ственным за политику “президиума – кайзера”. Попытки ввести туда других самостоятельных имперских министров, ответственных наряду с канцлером, натолкнулись на жесткое сопротивление Бисмарка; он испытывал серьезные опасения перед ползучей парламентаризацией имперского правительства.

Обосновывая свою отрицательную позицию, он возражал сторонникам введения в Конституцию института ответственного правительства: “Кто будет назначать такое правительство? Консорциуму из 22 правительств такое дело доверить невозможно. Необходимым требованиям для этого может соответствовать только единая властная структура с монархическим характером”¹². С течением времени от ведомства канцлера отделились статс-секретари по специальным направлениям, которые, правда, полной самостоятельности не получили; канцлер оставил за собой право вмешиваться в сферу деятельности своих коллег, за конкретные шаги которых он не мог нести ответственность. Наконец, Бисмарк законодательно урегулировал должность своего заместителя (вице-канцлера) для решения не терпящих отлагательства вопросов во время своего отсутствия по болезни. В итоге Бисмарку удалось, памятуя о печальных днях своего руководства прусским правительством, когда он не имел никакого влияния на своих министров, установить безусловный контроль над всей имперской политикой. В этом заключалась его цель – быть единственным распорядителем дел в структуре монархической власти и не позволить в построенной на монархическом фундаменте империи прорасти семенам будущего парламентаризма.

Главным пунктом парламентских устремлений при обсуждении Конституции в северогерманском рейхстаге были статьи об организации финансов и армии. Из дебатов видно, что парламентские левые не желали отказаться в новообразованном государстве от притязаний, которые они выдвигали во время конституционного конфликта. Тем не менее, Бисмарк отстоял принципиальные позиции монархической власти в имперской Конституции. В частности, в положениях об организации армии он сохранил монархическое руководство. Бисмарку не удалось закрепить в Основном Законе исключительное право монарха устанавливать численность вооруженных сил. Но он не допустил и установления парламентского контроля над монархической властью.

Пруско-германский режим создал в Европе особый тип международных отношений, вошедший в историю XIX – начала XX в. под именем “вооруженного мира”. Его сущностью стала систематическая подготовка к локальным войнам, а затем и

¹⁰ Статья 78 имперской Конституции устанавливала, что любое изменение Конституции считается отклоненным, если против него проголосовали 14 членов Союзного совета.

¹¹ См.: *Demmler F.* Bismarcks Gedanken über Reichsführung. Tübingen, 1934. S. 73.

¹² Цит. по: *Kober H.* Op. cit. S. 86.

к мировой войне. Создание крупной армии требовало значительного увеличения военных ассигнований. Это приводило к прямым нарушениям Конституции, сопровождавшимся парламентскими кризисами. Такой кризис разразился в начале 70-х годов, когда рейхстаг, отклонив Закон о “вечных”, не вотируемых расходах на содержание армии, принял компромиссный Закон (1874 г.) о семилетнем сроке своего невмешательства в эту спорную сферу (правило септенната) и тем самым лишил себя в значительной мере права финансового контроля над правительством.

Вопрос о септеннате был для Бисмарка принципиальным: окажется ли германский рейх защищенным кайзеровской или парламентской армией¹³. Для него было совершенно ясно, что империя может чувствовать себя спокойно лишь под защитой кайзеровской армии. Поэтому Бисмарк был готов идти на прямой конфликт с парламентом, привлекать на помощь правоведов вроде Пауля Лабанда, лишь бы добиться принятия законопроекта о септеннате. Роспуск рейхстага и образование картеля партий (консерваторы, имперская партия и национал-либералы) позволили принять Закон об армии и утвердить господство в ней монархического принципа. Таким образом, благодаря усилиям канцлера монархические скрепы имперского государственного здания были значительно усилены.

В процессе развития Конституции возникали трудности (рост влияния оппозиционных Бисмарку партий – Центра и СДПГ) в обеспечении сохранности монархического порядка. Это породило у престарелого канцлера, укоренного в жизненном порядке монархии, тайные намерения совершить государственный переворот. На первый взгляд, в какой-то мере упорядоченному правосознанию Бисмарка явно противоречили замыслы антигосударственного путча. Но более пристальный анализ политики Бисмарка показывает: он всерьез опасался, что дальнейшая демократизация Конституции может угрожать стабильности единой Германии и положению прусской монархии. Многочисленные стычки с парламентом лишь укрепили его в этих размышлениях. Исследователи государства составили длинный перечень высказываний канцлера, в которых читаются мысли о вмешательстве в Конституцию. Например, Э. Цехлин указывает на то, как Бисмарк многократно пытался легальными

мерами ограничить власть рейхстага: принимать бюджет на два года и, соответственно, раз в два года созывать парламент; оживить деятельность государственного совета Пруссии; создать совет по народному хозяйству; расширить бундесрат и состав его комиссий; воспрепятствовать введению в Пруссии всеобщего равного избирательного права¹⁴.

Ликвидация Конституции могла произойти при возникновении “опасных ситуаций”. В этом случае, утверждал Бисмарк, князья и сенаты вольных городов как суверены, заключившие союз, который основывается на данной Конституции, могут отказаться от договора. И тогда появляется возможность навсегда распустить рейхстаг, если выборы в него не дадут желаемого для монархии результата: “Контрагенты в состоянии выйти из договора, который они подписывали, и заключить новый, который будет отличаться от прежнего и которому институт парламента будет уже не нужен. При этом не возникает и проблемы клятвоотступничества, поскольку никто не приносил клятву верности Конституции”. Убеждение канцлера, что разработанный путь в правовом смысле возможен и не выйдет за допустимые рамки формальной законности, объясним только его консервативно-монархической установкой. Он искренне рассматривал оппозиционную деятельность партий как опасную для страны; она направлена против конституционного status quo и в случае длительного доминирования грозит полностью подорвать установленный порядок.

Канцлера невозможно считать явным диктатором. Публичная борьба против Конституции вынуждала его искать соответствующую правовую аргументацию. Он доказывал, что Основной Закон империи покоится не на государственно-правовых договорах между князьями и парламентом, но на октроировании предложенного князьями и утвержденного парламентом статута. Правовой фундамент его существования образует договор, заключенный между князьями и вольными городами. Отсюда следовал вывод: если участники договора одновременно откажутся от него, договор перестанет существовать. Причем Бисмарк несколько не сомневался в том, что в час “х” (ликвидации формального права) скорее посоветует своему монарху совершить переворот, чем будет смотреть, как государство рушится под напором анархии. Заявление Бисмарка показывает, что сохранение государства, которое идентифицировалось у него с монархическим правлением, было высшей ценностью его деятельности. “Защита института монархии есть высшее право, обеспеченное божественной легитимацией; реализации

¹³ “Парламентской армией” Бисмарк считал армию, состав которой зависит от меняющегося большинства в рейхстаге... В случае войны, когда речь идет об определении численности армии, это – функция кайзера. Используя выражение “кайзеровская армия”, Бисмарк понимал, что это не совсем соответствует Конституции, поэтому предпочитал не называть армию кайзеровской, не создавать впечатления, будто армия служит кайзеру для борьбы против демократии.

¹⁴ См.: Zechlin E. Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelm II. 1890–1894. Stuttgart, 1929. S. 21–22.

этого права коррелирует обязанность в минуты опасности пренебречь принципом легальности”.

Сказанное позволяет утверждать, что позиция Бисмарка-монархиста существенным образом определила его правовые воззрения. Незыблемая привязанность к господствующему дому Гогенцоллернов заставляла канцлера решительно сопротивляться нововведениям европейского конституционализма, сужать конституционное пространство собственной страны, предпринимать попытки выключить парламент и Конституцию в целом из политической жизни. Проанализированные обстоятельства в немалой степени способствовали формированию особой, германской модели конституционализма с сильным монархическим акцентом. И если в первые годы существования объединенного государства она обеспечивала конституционную жизнь, то в 90-е годы XIX в., по мере усиления демократического элемента в парламенте, устарела вместе со своим создателем, который до конца не расставался с верой в монаршую легитимность. В своем сердце он остался, как гласит надпись на его надгробии, верным слугой кайзера Вильгельма I.

Заявления, которые дают понять, каким образом монархическое правовое мышление Бисмарка влияло на конституционное развитие Северогерманского союза и Германской империи, нуждаются в дополнительном разъяснении. Наряду с монархической установкой Бисмарка необходимо затронуть и другие точки зрения, которые воздействовали на такое развитие. Так, Бисмарку представлялось важным закрепить в Конституции доминирующее положение прусского короля, обеспечить тем самым гегемонию Пруссии в Германии. Решение этой задачи, по мысли Бисмарка, было возможно только при условии федеративного устройства Германии. С этой целью он выступал против введения института “ответственных” имперских министров, указывая на несовместимость данного института с федеративным устройством государства, настаивал на переходе прав союзных правительств кайзеру, который их гарантирует. Борьба за сохранение устойчивого института монархии представлялась Бисмарку борьбой за сохранение и укрепление рейха, за государственное единство рейха, хотя она парадоксальным образом совпадала с намерением осуществить антигосударственный путч и расторгнуть Союзный договор.

Бисмарк составил новое немецкое национальное государство из отдельных немецких государств, связавших себя договорными обязательствами. Естественно поэтому, что федеративная структура нового государства оказалась объективно востребованной. Ссылка на неизменность федеративного устройства оказывалась главной и тогда, когда на передний план выступила борь-

ба против парламентаризма. Возможная парламентаризация имперских учреждений казалась Бисмарку крайне опасной. Защитные барьеры против нее и для спасения монархии Бисмарк начал выстраивать давно, задолго до начала трений с законодателями, оставаясь формально на почве Конституции и действующего государственного права.

Планы государственного переворота базировались на тенденции, характерной для деятельности Бисмарка начала 80-х годов, направленной на “активизацию верхней палаты рейхстага – Союзного совета” и, соответственно, на поддержку федеративного характера государства¹⁵. Так, Бисмарк неоднократно озвучивал свои замыслы относительно того, чтобы предоставить право законодательной инициативы канцлеру, хотя с наигранной наивностью сомневался, действительно ли это допустимо по букве и духу Конституции¹⁶. Секрет полишинеля: Бисмарк в течение всего времени своей государственной службы использовал возможности канцлерской законодательной инициативы, действуя от имени “президиума”. Заявление канцлера о возможности исходящей от него законодательной инициативы было вызвано тем, что в конституционной практике последних лет стало заметно сложнее преодолевать противодействие усиливших влияние в парламенте буржуазных и социал-демократической партий при обсуждении законопроектов. Объективно это вело к ослаблению позиций канцлера и росту политического веса Союзного совета; этот институт был подлинным олицетворением федеративной идеи. Любое умаление роли бундесрата и расширение функций канцлера могли иметь следствием вырождение в однопалатную систему, основанную на всеобщем и тайном голосовании с одним ответственным министром одного монарха с неполноценными правами. Опасность попасть под прямое управление парламентского большинства Бисмарк усматривает во вмешательстве законодателей в деятельность исполнительной власти. Бисмарк намерен противопоставить господству анонимного парламентского большинства “большинство правительств в Союзном совете”, что и было заложено в его конституционных планах.

¹⁵ См.: *Demmler F.* Bismarcks Gedanken über Reichsführung. Tübingen, 1934. S. 56–57, 69.

¹⁶ Бисмарк вопрошает, являются ли законопроекты союзных правительств в Союзном совете или таковые депутатов в рейхстаге единственно возможным путем законодательной инициативы? Странно слышать такое из уст канцлера. Ведь в ст. 5 Конституции законодательство объявлено прерогативой Союзного совета и рейхстага, а ст. 23 сохраняет право рейхстага выходить со своими законопроектами. Об аналогичных правах кайзера и тем более канцлера в Конституции ничего не говорится.

В целях укрепления монархии Бисмарк принимал и другие меры, которые, усиливая конституционный вес Союзного совета (федеративный элемент Конституции), служили тормозом расширявшегося влияния рейхстага (унитарный элемент) в системе политической власти. В основе решения первой задачи лежал принцип федерализма союзно-государственных конституционных отношений. Как уже было отмечено, он обеспечивал Пруссии и большинство голосов в Союзном совете, а тем самым положение гегемона в новом союзном государстве. Прусская гегемония, в свою очередь, задевала династическое самолюбие немецких князей и чувство родового партикуляризма. Чтобы не раздражать германские государства этой гегемонией, канцлер постоянно подчеркивал федеративные основы имперской Конституции, выделял дружеское расположение Пруссии к своим союзникам. Отдельные государства не должны были склоняться к мысли, будто их роль в Совете чисто декоративная.

Историки не раз демонстрировали способности Бисмарка защищать позиции Пруссии: он отбивал притязания Брауншвейга на прусскую корону, он отклонил законопроект о предоставлении голосов в Союзном совете имперским территориям Эльзас-Лотарингия (непосредственно подчиненных кайзеру), он отвергал все, что могло привести к потере Пруссией прирожденного большинства в бундесрате. Ему было даже желательно, чтобы Пруссия в мелких политических вопросах (например, в споре о месторасположении имперского суда) проиграла по большинству голосов другим государствам, лишь бы немецкие суверены чувствовали, что германский кайзер – их соотечественник, а прусский король – их сосед. Великие княжеские дома, включая прусский, не должны были чувствовать себя ущемленными в своем высоком европейском положении только потому, что среди них находится ими же выбранный немецкий кайзер. Титул императора свидетельствовал лишь о том, что связанные с этим права вытекали из добровольной передачи ему полномочий немецкими князьями и племенами.

В Конституции (ст. 33) было предусмотрено создание единой для Германии таможенной зоны. Но в соответствии со ст. 34 ганзейские города выключались из этой зоны, пока они сами не подадут заявления о вхождении в таможенное пространство. Нет сомнений в том, что, движимый категорическим императивом долга, Бисмарк хотел укрепления существовавших имперских учреждений, но делал это чрезвычайно осторожно. Его постоянный упор на федерализм скрывал стоящую за этим мысль о прусской гегемонии. Единство созданного государства – основной постулат бисмарковской политики, правовой принцип обязывающей силы. Бисмарк всегда опасался, что основа Конституции не такая прочная, не

так сильно укоренилась, чтобы служить фундаментом партийных сражений и партикуляристских устремлений.

Таким образом, наряду с монархическими настроями, которые сопутствовали всей деятельности Бисмарка и толкали его к новой борьбе против парламентаризма, против партийных и фракционных структур, острой проблемой выступал партикуляризм. В своих выступлениях в рейхстаге Бисмарк предупреждал о нежелательности жесткой борьбы фракций, от которой страдают интересы рейха. Канцлеру казалось, что партия и фракция направляют свой взгляд только на разрушение, в то время как государство есть целое и в этой целостности идентично монархии, потому что только монархия олицетворяет целое. Это соответствовало глубокому правовому убеждению Бисмарка: как руководящий министр он не имел права выпускать из зоны внимания негативные последствия для целого. “Я никогда не был партийным человеком, я всегда был человеком государства и короля... Немецкий рейх и прусское государство никогда не могут управляться одной партией, они должны управляться независимо от партийных установок”¹⁷. Анализируя правосознание Бисмарка и ситуацию вокруг планов государственного переворота, становится очевидным, что речь шла только о сохранении прусской монархии и добытого единства Германии.

Вопреки утверждению Деммлера о том, что Бисмарк не использовал теорию договора князей для формально юридического обоснования своего антиконституционного предприятия, отметим: он вел речь о плане, который казался ему политически целесообразным и необходимым и который он обосновывал доводами и аргументами, не относившимися к юридическим средствам. Его политическое сознание определялось более глубоким правосознанием, для которого вопрос формального оправдания планов переворота являлся второстепенным: на первом месте стояла мысль о спасении монархии и немецкого национального единства.

Реализация этой задачи (немецкого государственного единства) лежит в основе всех обеспечительных мероприятий против другого партикуляризма – партикуляризма земель, против прусского партикуляризма. На момент создания Конституции Бисмарк опасался династического расползания; рейхстаг, созданный на основе всеобщего избирательного права, должен был предотвратить центробежные тенденции отдельных правительств. Но изменились условия развития, и в последующие годы Бисмарка уже беспокоила не столько опасность династического пар-

¹⁷ Цит. по: Kober H. Op. cit. S. 87.

тикуляризма, сколько угроза германскому государству со стороны партий. Однако старый канцлер не снизошел до того, чтобы осуществлять свои планы по изменению государственного строя. И в 80-е годы XIX в. он оставался приверженным идее конституционализма, необходимость реализации которой декларировал еще до образования империи. Сделанное в 1867 г. замечание консерваторов о вредности всеобщего избирательного права он париловал соображением о том, что всегда будет отстаивать всеобщее избирательное право, даже если оно кому-то, в том числе и ему, покажется ненужным.

Партикуляризму отдельных государств Бисмарк противопоставил систему руководящей гегемонии Пруссии и дополнявшую ее федеративную структуру государственной организации. Возлагая на Пруссию ответственность за всю империю, он поднимал тем самым Пруссию до уровня имперского самосознания. В целом прусская гегемония в империи была продиктована прусско-монархическим образом мышления канцлера, а также убеждением в том, что Пруссия призвана самой судьбой объединить германские земли.

По всей видимости, прусская гегемония в Союзе представляла унитаризм особой формы, что не исключало сохранения федералистских элементов в Конституции. Таким образом, сущность союзного государства – это компромиссный сплав унитарных и федеративных элементов¹⁸. Многие, правда, считают, что федералистские высказывания предназначались для прикрытия гегемонистского прусского унитаризма. Бисмарк же уточнял: позиция Пруссии в Германии в большей мере доминирующая, нежели гегемонистская. Он повсеместно подчеркивал, что отдельные государства – члены Союза находятся в режиме союзнических отношений, а не господства-подчинения. Прусское обязательство осуществлять руководство империей от имени союзного президиума

следует воспринимать как выражение дружественной верности союзному договору. В этом смысле цитируются следующие слова Бисмарка: “Союзное государство прочно доверием к договорным обязательствам Пруссии, и это доверие не должно быть поколеблено до тех пор, пока мы верны договору”¹⁹.

Был ли Бисмарк унитаристом или федералистом? В части, не касавшейся политического единства Германии, он был готов предоставить отдельным государствам право вести собственную жизнь. В 1869 г. он произнес в северогерманском рейхстаге знаменитую речь, в которой заявил, что было бы нерационально хотеть на йоту ограничивать автономию отдельных правительств, если только это не способствует выполнению великой национальной задачи – созданию Союза”.

Укрепляя государство как целое, Бисмарк, тем не менее, не был унитаристом. Все, что требовалось для жизни нации: общая внешняя политика, общая армия под единым командованием, общая торговая политика, – было закреплено в Конституции. Он прилагал усилия и для создания общих учреждений управления. Когда пришло убеждение, что династии твердо стоят на позициях империи и Конституции, он стал противостоять всем унитарным тенденциям, видя в разнообразии достояние немецкой культуры²⁰.

Таким образом, создание германского государства с единым правовым порядком – руководящая идея в деятельности Бисмарка. Специфическая форма этого единства – унитаризм в виде прусской гегемонии, представлявшей основу политического руководства империей в соответствии с прусско-монархическими взглядами ее основателя. В остальной государственной сфере – сохранение своеобразия каждого германского государства в условиях федеративного устройства.

¹⁹ *Triepel H.* Op. cit. S. 304.

²⁰ См.: *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Stuttgart, 1931. S. 300–301.

¹⁸ См.: *Triepel H.* Unitarismus und Föderalismus im Deutschen Reiche. Berlin, 1907. S. 105, 115.